

Лариса Владимировна
Азимова

Это была жизнь, а не просто работа

Если говорить честно и откровенно, на фондовый рынок я попала случайно. В 1992 году мы вместе с Катей Демущкиной заканчивали юридический факультет МГУ. И когда учились на последнем курсе, в вузах как раз отменили распределение. Поэтому все, кто рассчитывал на запланированную, пусть при этом и не очень интересную жизнь, оказались в непростой ситуации. Было ясно, что мы никому не нужны и придется барахтаться в этом мире самостоятельно. Все помнят, какое это было сложное время в стране: прошла перестройка, бурная борьба за власть, разрушился СССР, происходили либерализация цен и многочисленные кризисы во всех сферах жизни... И вот в это время Катя Демущкина пришла работать в Центральный Банк России к Андрею Андреевичу Козлову в управление ценных бумаг. Позже туда она привела и меня, свою подругу. Я приступила к работе в ЦБ в начале 1994 года и сразу попала в отдел, который занимался регистрацией эмиссии ценных бумаг (сейчас это называется регистрация проспекта ценных бумаг). С этого все и началось.

Когда я пришла в банк, то была единственным юристом в отделе эмиссии. Стоит заметить, что тогда в банковской сфере все было совсем по-другому, нежели сейчас, все только зарождалось. Только формировалась законодательная база по рынку ценных бумаг, наш отдел, кстати, тоже принимал участие в этом законотворчестве, нас постоянно привлекали и к обсуждению каких-то юридических вопросов.

Моя работа в отделе началась с того, что под руководством, увы, покойных ныне Андрея Андреевича Козлова и руководителя отдела Ольги Ивановны Мартыновой мы писали знаменитую Инструкцию № 8, которая определяла правила выпуска и регистрации ценных бумаг кредитными организациями. Можно смело сказать, что все приходилось начинать с нуля: меня, например, работе с ценными бумагами в университете не учили. Все, что с ними связано, изучалось только в разделе международное право, а у нас было советское гражданское право. Какие там ценные бумаги могли быть?! Поэтому мы создавали свои первые правила регистрации для банков на основе известного на то время западного опыта, каких-то общих подходов к регулированию

Л. В. Азимова

банковской деятельности и большой теоретической базы знаний, которая уже была у Андрея Андреевича Козлова и Ольги Ивановны Мартыновой. Это был эпохальный труд. Мы постоянно что-то меняли, в конечном итоге было около 20 редакций этой Инструкции. Но, в конце концов, мы ее сделали. Началась практическая работа — пошли первые регистрации банковских эмиссий.

Л. В. Азимова

1994–1996

Юрист отдела эмиссии
управления ценных бумаг
ЦБ РФ

1996–1997

Консультант-эксперт
Фонда «Международный
институт развития правовой
экономики»

1997–1998

Начальник
юридического отдела
Национального
депозитарного центра

1998–2003

Заместитель начальника
отдела государственных
ценных бумаг управления
фондовых операций,
затем советник
генерального директора
по юридическим вопросам
Московской межбанковской
валютной биржи

С написанием Инструкции завершилась нормативная часть работы. Кстати, в инструкции еще фигурировали «сертификаты», позволялось выпускать акции, как в «бездокumentарной форме», так и традиционной «бумажной». Тогда еще не все могли поверить в надежность какой-то записи на каком-то счете какого-то депозитария. Не то, что красивый сертификат, который можно в руках подержать, на стенку повесить! Только на рубеже веков все именные акции стали законодательно «бездокumentарными».

После выхода инструкции мы приступили к учету и контролю — надо было регистрировать каждую эмиссию. Начали неизбежно возникать юридические, банковские, финансовые вопросы... Я, как юрист, конечно, занималась и разработкой необходимого законодательства, в том числе меня привлекали и к подготовке «Закона о рынке ценных бумаг». Были у нас в то время и конфликты, связанные с регистрацией. Например, от какого-то банка поступало заявление по изменению информации, вносимой в проспект ценных бумаг. Мы это изменение регистрировали. Но группа акционеров вдруг выражала недовольство, в результате начинались какие-то разборки, разгорались страсти. Нам приходилось их гасить.

С завершением работы над Инструкцией (вышла она 17 сентября 1996 года) связан мой уход из Центрального Банка: основное дело, которым я занималась, вроде бы закончилось. Конечно, в банке периодически возникали вопросы юридического характера, но в целом мои функции на этом месте были ограничены, а выйти за пределы вопросов эмиссии не было возможности. Мне же хотелось более широкого поля профессиональной деятельности.

Как раз в это время поступило предложение перейти в Фонд «Международный институт развития правовой экономики», который объединял экспертов, работающих на ФКЦБ. И в 1996 году я стала экспертом Фонда «Международный институт развития правовой экономики». Сидели мы вместе с коллегами из знаменитого Ресурсно-го секретариата в Газетном переулке. Директором института был Сергей Анатольевич Шишкин — мы с ним тоже

2003–2006

Эксперт

по правовым вопросам,
начальник управления
анализа и контроля
Депозитарного центра
АБ «Газпромбанк» (ЗАО)

2006 — наст. время

Заместитель председателя
правления НАУФОР

вместе учились в университете на одном курсе. Кстати, в это время уже начался период сложных взаимоотношений между Андреем Андреевичем Козловым и Дмитрием Валерьевичем Васильевым.

Все эксперты у нас были поделены на группы, я работала в одной из них. Главной нашей задачей было создание конкретных нормативных актов для ФКЦБ.

Основные идеи нам давал Васильев — что и как должно быть сделано, а мы оформляли их в форме нормативно-правовых документов. Сроки были жесткие. Безумный массив нормативных актов надо было сделать за

очень короткий промежуток времени, поэтому в буквальном смысле работали по ночам!

Одним из главных фигурантов в то время в ФКЦБ был Альберт Владимирович Сокин. Очень неоднозначный человек, уникальная фигура! С нестандартным мышлением и нестандартными подходами к решению задач. Эта его нестандартность проявлялась во всем. Ведь юриста учат тому, что надо ровно и четко следовать статьям закона, идти по этому заданному пути. Шаг в сторону — и мы выходим за пределы кодекса или закона. А у Сокина всегда был какой-то глобальный подход ко всем задачам. И еще — рынок ценных бумаг только-только создавался, и можно было реализовывать все идеи! Это в уголовном праве не пофантазировать! А здесь! Конечно, в рамках общего законодательства, но все-таки было где развернуться... Тем более, что закон «О рынке ценных бумаг» появился позже — только в апреле 1996 года. До этого же ничего не было, кроме Постановлений Правительства СССР и Правительства России. Моя работа в институте началась с участия в написании нормативных правовых актов, регулирующих паевые инвестиционные фонды. В России тогда уже создавалась индустрия коллективных инвестиций — паевых инвестиционных фондов (ПИФ). И в Институте мне поручили заниматься вопросами, связанными с ними. Необходимо отметить, что тогда было много противников ПИФов, хотя, как мы видим, со временем ПИФы показали свою эффективность и привлекательность для инвесторов. Мы разрабатывали типовые правила для паевых инвестиционных фондов, условия для осуществления деятельности управляющих компаний, для спецдепозитариев. Тогда же только зарождалась — совсем с самого начала — работа над Законом об инвестиционных фондах. Мы участвовали в подготовке его самой первой редакции.

Далее была работа над знаменитым Постановлением № 20, где вводились понятия единый реестр, единый информационный центр, единый депозитарий, хранитель, попечитель. В 1996 году, когда постановление вышло, рынок уже двигался по вполне определенному пути. И введение 20-м Постановлением понятий «хранитель» и «попечитель», которые отличались набором функций (хранители могли одно, попечители — другое), честно говоря, рынок взбудоражило. Скорее всего, это произошло

потому, что такое разделение было в большей степени искусственным, оно заставляло крупные депозитарии банков, которые уже работали на рынке, подстраиваться под эту технологию. В их числе был, например, и депозитарий Газпромбанка. Мы, как эксперты от ФКЦБ, постоянно общались с его сотрудниками. В Газпромбанке депозитарий был создан в 1995 году. Кроме того, у него действовала самая разветвленная в России сеть. И после выхода Постановления № 20 банк был вынужден эту сеть подстраивать под технологию «хранителей-попечителей». А это было непросто. Кстати, не все были против этого функционального разделения. Были и такие, кто, наоборот, продвигал эту идею, считая ее правильной — например, Виктор Сахаров, президент Российского депозитарного союза. И, в общем, все депозитарии все-таки приняли правила игры, потому что, по большому счету, у них выбора не было. ФКЦБ следила за этим процессом, постоянно шли проверки.

Правда, потом, когда вышло новое Постановление № 36 о депозитарной деятельности, все вернулось на круги своя. Тогда все вздохнули свободно и стали жить так, как и живут сейчас.

Постановление № 36 было принципиально иным — по всем позициям. Там не было разделения на функциональные обязанности, тон его был менее революционен. Оно, кстати, действует до сих пор, и в нем до сих пор нет понятия расчетного и кастадиального депозитария. Постановление это — достаточно компромиссное: писал его целый коллектив, в составе которого были авторы и от ФКЦБ, и от ЦБ. И, в общем-то, оно написано нормально, в нем достаточно ясно регулируется функционирование депозитариев Российской Федерации. Хотя там есть ряд положений, которые мешают жить до сих пор, — просто многие вещи невозможно было предвидеть в начале 1997 года.

Период моей работы в ФКЦБ также связан с написанием нормативного акта, регулирующего выпуск так называемых «опционных свидетельств». Это были производные ценные бумаги, которые предоставляли владельцу право в определенные сроки на покупку или продажу акций или корпоративных облигаций.

Опционы как производные ценные бумаги упоминались в различных нормативных актах с 1991 года. Впервые же в Положении о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР (постановление правительства РСФСР № 78 от 28.12.91 г.). В самом документе не были названы указанные производные ценные бумаги, однако определялись общие положения, касающиеся их выпуска и обращения. Специальных же нормативных актов, регулирующих их выпуск и обращение, разработано не было. Указанные ценные бумаги продолжали существовать лишь «на бумаге».

Сложность заключалась и в том, что опционы как таковые по своей сути ближе к контрактам, чем к ценным бумагам. Хотя это давний спор, он до сих пор окончательно не разрешен. Тем не менее, учитывая, что по Закону о рынке ценных бумаг ФКЦБ обладала правом квалифицировать лю-

бые финансовые инструменты как ценные бумаги, если они отвечают целому ряду признаков, свойственных ценным бумагам. ФКЦБ и воспользовалась данным правом путем подготовки соответствующего Постановления: к нам обращались эмитенты, которые хотели организовать выпуск опционных свидетельств.

Вообще, эту задачу мы полностью так и не решили, хотя нормативный акт мы подготовили, а Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг (ФКЦБ) 9 января 1997 года его приняла. Это было Постановление № 1 «Об опционном свидетельстве, его применении и утверждении Стандартов эмиссии опционных свидетельств и их проспектов эмиссии», которое вступило в действие с 30.01.97 г.

Также я принимала участие в написании Постановления № 27 «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг», принятое 2 октября 1997 года. Которое действует до сих пор, правда, с изменениями. Этот документ давался тяжело. Над Постановлением мы работали вместе с Александром Рафаэлевичем Гордоном — он тогда возглавлял соответствующее управление ФКЦБ. Я до сих пор вспоминаю, как мы забавно писали этот документ. Тогда часть экспертов, работавших на ФКЦБ, располагалась на улице Стасовой — там арендовали площади в офисном здании. В нем был большой конференц-зал, мы все сидели за огромным переговорным столом и работали, буквально не выходя оттуда — набивали текст на компьютере в присутствии всех. То есть не было такого, чтобы пришли, кто-то выдал текст — «болванку», пообсуждали и разошлись. Здесь мы в прямом смысле коллективно сидели, писали и спорили, даже еду нам приносили непосредственно в рабочий зал.

Для работы над текстом были приглашены крупные уже тогда регистраторы — Национальная регистрационная компания, «М-Реестр». Помню, что участвовали в нашем процессе Максим Калинин — сейчас Генеральный директор Регистратора «НИКойл» и ныне его заместитель Алексей Жинкин. В конечном итоге мы написали этот документ, в котором было впервые все прописано: что такое реестр, нормальные правила ведения реестров. Но вообще, с регистраторами было очень тяжело работать, к тому же в те годы были установлены требования, направленные на увеличение собственного капитала для регистраторов, которые не всем нравились. Тогда же, я помню, активно обсуждался вопрос и о том, сколько реестров должен вести регистратор для того, чтобы получить лицензию. ФКЦБ боролась за укрупнение регистраторов и все время увеличивала это число.

В институте я проработала около двух лет. Потом появился Национальный Депозитарный Центр (НДЦ). Летом 1997 года, практически одновременно с Демущкиной, я начала там работать. Пригласила нас в НДЦ его гендиректор Галина Стародубцева, тоже наша однокурсница из «брошенного поколения». Депозитарий был уже зарегистрирован, но еще не функционировал. Тогда государственные ценные бумаги обслуживала сама Биржа (ММВБ) как депозитарий. А фондовый рынок — негосудар-

ственные бумаги — только начинали обслуживать в фондовом отделе ММВБ, который незадолго до этого был создан.

Переход к обслуживанию в НДЦ состоялся в два этапа: сначала Депозитарный центр забрал из ММВБ депозитарное обслуживание государственных бумаг, а затем уже и негосударственных ценных бумаг.

Но не все было так просто. Для того чтобы начать обслуживание госбумаг, вначале необходимо было получить лицензию. А нам ее наше предыдущее руководство — ФКЦБ — не давало. Я была как раз ответственной за подготовку необходимых документов. У нас, чтобы получить эту лицензию, все были поставлены «под ружье», но никакие личные связи не помогали... Все было особенно тяжело еще и из-за сложных отношений Андрея Андреевича Козлова с Дмитрием Валерьевичем Васильевым — они очень отражались на бизнесе.

В то время вообще все было запутано. Биржа осуществляла депозитарную деятельность на основании лицензии еще Министерства финансов РФ, ее срок действия истекал. А передать документы от Биржи в НДЦ мы не могли в свою очередь, потому что Депозитарию не выдавали лицензию от ФКЦБ! В общем, постоянно шли переговоры на высоком уровне, а срок действия лицензии продлевался... В итоге продлили ее до 1 апреля 1998 года. До этого времени мы должны были забрать бизнес у ММВБ и начать обслуживание госбумаг в НДЦ. Лицензию мы получили только со второй попытки, в декабре 1997 года, и тогда началась передача бизнеса от ММВБ к НДЦ.

Но все это сопровождалось рядом сложных историй, даже с вмешательством прокуратуры...

К этому времени я уже работала на Бирже. Свою миссию в НДЦ я выполнила — получила лицензию на обслуживание ценных бумаг для Центра и перешла на ММВБ в управление фондовых операций к Сергею Майорову и Марине Медведевой. Начальником нашего управления тогда был Михаил Лауфер. Начинала я работать в должности заместителя начальника отдела государственных ценных бумаг. Мы как раз и отвечали за передачу бизнеса в НДЦ. И это тоже оказалось непросто, необходимо было создать очень сложную систему договоров. Но, как я уже говорила, проблема заключалась в том, что до 1 апреля надо было перевести все бумаги со счетов клиентов, открытых на ММВБ, на счета клиентов, открытых в НДЦ. Следует заметить — распоряжаться как банковским счетом, так и счетом ДЕПО клиент может только сам, лично. Большинство клиентов в установленные сроки провели процедуру передачи своих бумаг со счетов на ММВБ на счета в НДЦ. Однако ряд клиентов, у которых учитывались муниципальные бумаги и бумаги субъектов РФ, этого не сделали. Мы им звонили, писали — безрезультатно! В результате 1 апреля эти «бумаги» остались на счетах в ММВБ. В «День смеха», как в сказке про «Золушку», в полночь у ММВБ закончилась лицензия. И получалось, что Биржа приступила к осуществлению безлицензионной деятельности! Конечно, нами заинтересовалась прокуратура. Мы

давали объяснения... И было нам не до смеха! Конечно, если бы можно было погрузить «бумаги» в коробку, выставить их за дверь и сказать, что мы это не храним, то все было бы просто. А здесь-то что мы могли сделать?.. «Бездокументарные» бумаги нематериальны! А распоряжаться чужим имуществом мы не имели права, запись по счету аннулировать не имели право! Но все-таки нам удалось доказать свою правоту. Главным аргументом послужило то, что мы не брали деньги с клиентов, то есть фактически не занимались предпринимательской деятельностью, а просто, хранили то, что осталось. Ну, уж после такой встряски все встало на уши — обзванивали этих нерадивых клиентов, чтобы они срочно пришли, списали свои бумаги. И добились, в конце концов, порядка. Но тогда было очень «весело»!

На ММВБ я проработала до 2003 года. После занятий фондовыми рынками, стала советником генерального директора Захарова по юридическим вопросам, это предполагало более широкий спектр деятельности. Естественно, мы сотрудничали с НДЦ, но это были уже партнерские отношения.

Во время работы на ММВБ пришлось столкнуться с множеством сложных ситуаций: особенно непросто было после кризиса 1998 года. Мне как юристу пришлось защищать интересы Биржи в многочисленных судебных тяжбах и перед прокуратурой. Эти проблемы были созданы ситуацией на срочном рынке. Рынок после 1998 года еще долго не восстанавливался — причем, как срочный, так и фондовый.

В своей работе мы достаточно активно сотрудничали с НАУФОР (саморегулируемой организацией, объединяющей брокеров, дилеров, доверительных управляющих и депозитариев). Наша биржа была представлена в совете директоров НАУФОР (в него входил Александр Захаров), поэтому все документы, которые они принимали, обсуждались на Бирже. А мы участвовали в подготовке и писали заключения на предлагаемые проекты документов, периодически выступали на различных семинарах и совещаниях. Особенно активно я сотрудничала с коллегами в 1998–2001 годах, когда председателем правления НАУФОР был Иван Александрович Тырышкин, сейчас он управляющий директор АТОНа. НАУФОР всегда была на острие свершений, происходящих на фондовом рынке, а ее руководитель был всегда серьезной и весомой политической фигурой.

Предложение в 2005 году стать заместителем председателя правления НАУФОРа было для меня приятным известием. Хотя надо отметить, что после ухода с ММВБ до начала 2006 года я достаточно успешно и плодотворно работала в Депозитарном центре Газпромбанка.

Тем не менее, данное предложение явилось для меня возможностью и дальнейшее развивать свои профессиональные знания на более широком профессиональном поприще. Председателем правления, кстати, сейчас является Алексей Викторович Тимофеев, с которым в свое время мы вместе работали в Международном институте развития правовой экономики.

Л. В. Азимова

Иногда кажется удивительным: как мы умудрились за 10 лет создать в России то, что создавалось в других странах веками? Я думаю, это произошло, прежде всего, благодаря тем людям, которые волей судьбы собрались на фондовом рынке. На этом рынке было (и есть) исключительно много харизматических неординарных личностей! И поэтому между ними постоянно возникали сложные взаимоотношения. Мне это хорошо известно, потому что пришлось поработать по обе стороны баррикад. Сейчас народ уже начинает успокаиваться — вроде все основное сделано, не к чему особенно стремиться, как в те драматичные времена...

На днях я случайно встретилась с экспертами, с которыми работала в 1997 году в Международном институте развития правовой экономики. Мы вспомнили далекий уже 1997 год — какой был тогда драйв! Было удивительное желание и стремление сделать что-то глобальное, но в то же время конкретное, например... фондовый рынок! Причем не для того, чтобы заработать, а потому, что это было здорово, интересно. Это была жизнь, а не просто работа или служебное задание. Я помню это потрясающее чувство удовольствия от того, что ты что-то создаешь, что-то можешь сделать.

Так было и в одном «лагере», и в другом — погоду определяло именно созвездие неординарных личностей. И в столкновениях Козлова с Васильевым, мне кажется, была не только борьба разных подходов к становлению рынка, но и столкновение харизматических личностей. Если задуматься, кто из них победил?.. Васильев, как сторонник американской модели рынка ценных бумаг, реализовывал ее со своими регистраторами. Козлов реализовывал немецкую модель в депозитарном деле. Получается, что никто не победил. И одно, и другое направление сегодня функционируют на рынке и развиваются. И это самое главное!